

Е.В. Амелина

Традиционное и новаторское в сюжете, мотивах, стиле повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка»

Гениальное новаторство Пушкина неоднократно было отмечено критикой. «Муза Пушкина, – писал Белинский, – была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преображенном виде».

Это замечание Белинского справедливо и по отношению к пушкинской прозе, в частности «Повестям Белкина», его первому реалистическому прозаическому произведению, явившему читателю большое разнообразие сюжетных тем, мотивов и направлений.

Попробуем рассмотреть в этом отношении повесть «Барышня-крестьянка». Уже сам сюжет повести — вражда старшего поколения и любовь детей — напоминает нам о трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Однако сам мотив вражды в повести заметно снижен — Муромский и Берестов примиряются благодаря довольно комичной ситуации:

«Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он [Муромский], проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскочил к нему, осведомляясь, не ушибся ли он».

Комичность эту отмечал еще В.С. Узин, считавший повесть и вовсе пародийной.

Описание облаков, которые «ожидали солнца, как царедворцы государя», — намек на Францию эпохи Людовика XIV («король-солнце»). Здесь уже возникают мотивы классицизма. Детали одежды той же эпохи мы встречаем и в описании Лизиного наряда во время обеда с Берестовыми: «фальшивые локоны ... взбиты были как парик Людовика XIV; рукава ... торчали как фижмы у *Madam de Rompadour*; талия была перетянута как буква икс». Само развитие действия напоминает нам французский водевиль. Молодая барышня задумывает прелестную авантюру с переодеванием, в которой ей помогает Настя, ее горничная. Настя здесь напоминает нам ловкую служанку-помощницу, посвященную во все дела госпожи. Именно такой является Дорина в мольеровской комедии «Тартюф». Задуманная авантюра у Пушкина вполне удастся, и все хорошо кончается. Таким образом, сама сюжетная схема повести напоминает нам комедии классицизма. Но в отношении «смысла», идеи, пушкинская повесть далека от классицизма. «Барышня-крестьянка» лишена свойственной классицизму героики, сатиричности. Характеры всех героев, их психология неоднозначны, многоплановы. Так, Лиза предстает перед нами не просто милой, живой, непосредственной барышней. Это еще и достаточно своенравная, гордая девушка, с чувством собственного достоинства.

Алексей — не просто «пылкий малый», добрый и простодушный. Это еще и волевой, мужественный человек, готовый отстаивать свою жизненную позицию.

В «Барышне-крестьянке» множество ассоциаций и с романтической литературой. Так, Алексей Берестов, желая казаться романтическим героем, предстает перед местными барышнями «мрачным и разочарованным», говорит «об утраченных радостях и об увядшей своей юности». В довершение ко всему он носит черное кольцо с изображением мертвой головы, отсылает письма таинственной А. Н. Р.

Но уже портрет героя выдает в нем совершенно противоположные черты, никак не вяжущиеся с «увядшей молодостью»: это крепкий, статный молодец, «стройный, высокий», с «румянцем во всю щеку» (в противоположность романтической бледности). «...Было жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир и если бы он вместо того, чтобы рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над

канцелярскими бумагами...», – замечает автор. Так уже здесь писатель беззлобно подсмеивается над романтическими штампами, как бы намекая читателям, насколько далек ото всех романтических канонов этот молодой и жизнерадостный человек.

Сама мысль Алексея жениться на крестьянке и «жить своими трудами» намечала в повести сентиментальный мотив, однако она была совершенно излишней: крестьянка оказалась переодетой барышней. Таким образом, исключительность сюжетной ситуации здесь лишь внешняя: она существует лишь в сознании героя. Действительность же в повествовании достаточно банальна.

Однако влияние сентиментализма в «Барышне-крестьянке» не ограничивается одним лишь намечающимся мотивом. Утренние пейзажи повести, ситуации неожиданной встречи героев, постепенного развития отношений — все это напоминает нам устойчивые схемы сентиментальных сюжетов. Такого рода сюжеты присутствуют в «Бедной Лизе» Карамзина, «Ростовском озере» В. Измайлова.

Однако пушкинская повесть лишена излишней чувствительности, дидактизма, за самими чувствами героев часто угадывается ироническая улыбка. «Содержательная» сторона сентиментальной схемы — это, как правило, несчастливая история любви: кратковременное счастье заканчивается расставанием героев, которые возвращаются к своим «социальным ролям», к реальной жизни. Финалы таких сюжетов нередко трагичны: в «Бедной Лизе» Лиза погибает из-за того, что ее возлюбленный предпочел богатую невесту.

В пушкинской повести сентиментальный сюжет (бедность героя или героини, препятствия на пути влюбленных) лишь начинает «проецироваться» внешне, в сознании Алексея. Однако мы можем допустить и здесь наличие счастливого финала: герой готов до конца отстаивать свое право свободного выбора в любви. Но и настоящий финал повести оказывается счастливым, авторский тон здесь бодрый и жизнерадостный.

Таким образом, «Барышня-крестьянка» — это великолепный синтез классицистских, романтических и сентиментальных традиций, тем и мотивов. Не стремясь к пародии этих стилей и творчески перерабатывая их, Пушкин преодолевает устойчивые в литературе сюжеты и ситуации, предлагая для них свое собственное разрешение.